

Чудесная курица

За тридевять земель, в тридесятом царстве, не в нашем государстве, жил старик со старухой в нужде и в бедности; у них было два сына — летами малы, на работу идти не сдюжают. Поднялся сам старик, пошёл на заработки, ходил-ходил по людям, только и зашиб, что двугривенный. Идёт домой, а навстречу ему горький пьяница — в руках курицу держит.

— Купи, старичок, курочку!

— А что стоит?

— Давай полтину.

— Нет, брат, возьми двугривенный; с тебя и этого будет: выпьешь крючок, да и спать ложись!

Пьянчужка взял двугривенный и отдал старику курицу. Вернулся старик домой, а дома давно голодают: нет ни куска хлеба!

— Вот тебе, старая, курочку купил!

Накинулась на него баба и давай ругать:

— Ах ты, старый чёрт! Совсем из ума выжил! Дети без хлеба сидят, а он курицу купил; ведь её кормить надо!

— Молчи, дура баба! Много ли курица съест? А вот она нанесёт нам яичек да цыплят высидит, мы цыплят-то продадим да хлеба и купим...

Сделал старик гнёздышко и посадил курочку под печкою. Наутро смотрит, а курочка самоцветный камушек снесла. Говорит старик жене:

— Ну, старуха, у людей куры яйца несут, а у нас — камушки; что теперь делать?

— Неси в город; может, кто и купит!

Пошёл старик в город; ходит по гостиному ряду и показывает самоцветный камень. Со всех сторон сошлись к нему купцы, начали ценить этот камушек, ценили-ценили и купили за пятьсот рублёв. С того дня зачал старик торговать самоцветными камнями, что несла ему курочка; живо разбогател, выписался в купечество, настроил лавок, нанял приказчиков и стал за море с кораблями

ездить да и в иных землях торг вести. Уезжает он как-то в чужие страны и наказывает жене:

— Смотри, старая, соблюдай курочку, пуще глаза храни; а коли она утратится, твоя голова с плеч свалится!

Только уехал, а старуха сейчас же худое задумала — с молодым приказчиком связалась.

— Где вы эти самоцветные камни берёте? — спрашивает её приказчик.

— Да нам курочка несёт.

Приказчик взял курочку, посмотрел, а у ней под правым крылышком золотом написано: кто её голову съест — тот королём будет, а кто потроха — тот будет золотом харкать.

— Зажарь, — говорит, — эту курочку мне на обед!

— Ах, любезный друг, как можно? Ведь муж воротится — казнит меня.

Приказчик и слышать ничего не хочет: зажарь — да и только.

На другой день призвала старуха повара, приказала ему зарезать курочку и зажарить к обеду с головкой и с потрохами. Повар зарезал курочку и поставил в печь, а сам вышел куда-то. Тем временем прибежали из училища старухины дети, заглянули в печь, и захотелось им попробовать жареного: старший брат съел куриную голову, а меньший скушал потроха. Пришло время обедать, подают за стол курицу, приказчик как увидел, что нет ни головы, ни потрохов, рассердился, разругался со старухой и уехал домой. Старуха за ним — и так и сяк умасливает, а он знай на одном стоит: «Изведи своих детей, — говорит, — вынь из них потроха и мозги и сготовь мне к ужину; не то знать тебя не хочу!» Старуха уложила своих деток спать, а сама призвала повара и велела везти их сонных в лес; там загубить их до смерти, а потроха, мозги вынуть и сготовить к ужину.

Повар привёз мальчиков в дремучий лес, остановился и принялся точить нож. Мальчики проснулись и спрашивают:

— Зачем ты нож точишь?

— А затем, что мать ваша приказала мне из вас потроха и мозги добыть да к ужину изготовить.

— Ах, дедушка-голубчик! Не убивай нас; сколько хочешь дадим тебе золота, только пожалей нас — отпусти на волю.

Младший брат нахаркал ему целую полу золотая: повар и согласился отпустить их на вольный свет. Бросил мальчиков в лесу, вернулся назад, а на его счастье дома сука оценилась: вот он взял — зарезал двух щенков, вынул из них потроха и мозги, зажарил и подал к ужину на стол. Приказчик так и кинулся на это кушанье, все сожрал — и сделался ни королем, ни королевичем, а на просто хамом!

Мальчики вышли из лесу на большую дорогу и пошли куда глаза глядят; долго ли, коротко ли шли они — только распадается дорога надвое, и стоит тут столб, а на столбе написано: кто пойдёт направо, тот царство получит, а кто пойдёт налево, тот много зла и горя примет, да зато женится на прекрасной царевне. Братья прочитали эту надпись и решились идти в разные стороны: старший пошёл направо, младший — налево. Вот старший-то шёл-шёл, шёл-шёл и забрался в незнакомый столичный город; в городе народа видимо-невидимо! Только все в трауре, все печалются. Попросился он к бедной старушке на квартиру.

— Укрой, — говорит, — чужестранного человека от тёмной ночи.

— Рада бы пустить, да, право, некуда; и то тесно!

— Пусти, бабушка! Я такой же человек мирской, как и ты; мне немного места надобно — где-нибудь в уголку ночую.

Старуха пустила его. Стали разговаривать.

— Отчего, бабушка, — спрашивает странник, — у вас в городе теснота страшная, квартиры дороги, а народ весь в трауре да в печали?

— Да вишь, король у нас помер; так бояре стали клич кликать, чтоб собирались все и старые и малые, и всякому дают по свече, и с теми свечами ходят в собор; у кого свеча сама собой загорится, тот и королём будет!

Наутро мальчик встал, умылся, богу помолился, поблагодарил хозяйку за хлеб, за соль, за мягкую постель и пошёл в соборную церковь; приходит — народу в три года не сосчитать! Только взял свечу в руки — она тотчас и загорелась. Тут все на него бросились, стали свечу задувать, тушить, а огонь ещё ярче горит. Нечего делать, признали его за короля, одели в золотую одежду и отвели во дворец.

А меньшой брат, что повернул налево, услышал, что в некоем царстве есть прекрасная царевна — собой прелесть неописанная, только на казну больно завистная, и пустила-де она вести по всем землям: за того пойду замуж, кто сможет прокормить моё войско целые три года. Как не попытать счастья?

Пошёл туда мальчик; идёт он дорогою, идёт широкою, а сам в мешочек плюёт да плюёт чистым золотом. Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, приходит к прекрасной царевне и вызвался её задачу исполнить. Золота ему не занимать стать: плюнет — и готово! Три года содержал он царевнино войско, кормил-поил, одевал. Пора бы весёлым пирком да за свадебку, а царевна — на хитрости: расспросила-разведала, откуда ему такое богатство бог послал? Зазвала его в гости, угостила, употчевала и поднесла рвотного. Стошнило доброго молодца, и выблевал он куриный потрох; а царевна подхватила — да в рот. С того же дня стала она золотом харкать, а жених её ни при чем остался. «Что мне с этим невежею делать? — спрашивает царевна у своих бояр, у генералов. — Ведь зайдёт же этакая блажь в голову — вздумал на мне жениться!» Бояре говорят, надо его повесить; генералы говорят: надо его расстрелять; а царевна иное придумала — приказала бросить его в н.....

Добрый молодец еле оттуда вылез и снова отправился в путь-дорогу, а сам одно на уме держит: как бы умудриться да отсмеять царевне эту шутку недобрую. Шёл-шёл и зашёл в дремучий лес; смотрит — три человека дерутся, друг дружку так кулаками и садят!

— Что вы деретесь?

— Да вот попались нам в лесу три находки, а разделить не умеем: всякий себе тащит!

— А что за находки? Есть ли из-за чего ссориться?

— Ещё бы! Вот бочонок — только стукни, из него рота солдат выскочит; вот ковёр-самолёт — куда вздумал, туда и полетел; а вот кнут-самобой — хлысни девку да скажи: была девица, а будь кобылица! — сейчас кобылой и сделается.

— Найдки важные — разделить трудно! А я так думаю: давайте-ка сделаю стрелу да пушу в энту сторону, а вы вслед за ней припустите; кто первый добежит — тому бочонок, кто второй добежит — тому ковёр-самолёт, кто назади останется — тому кнут-самобой.

— Ладно! Пушай стрелу.

Молодец сделал стрелу и пустил далеко-далеко; трое бросились бежать наперегонки... бегут и назад не оглянутся! А добрый молодец взял бочонок да кнут-самобой, сел на ковёр-самолёт, тряхнул за один конец — и поднялся выше леса стоячего, ниже облака ходячего и полетел, куда сам желал.

Опустился он на заповедных лугах прекрасной царевны и начал в бочонок поколачивать — и полезло оттуда войско несметное: и пехота, и конница, и

артиллерия с пушками, с пороховыми ящиками. Сила так и валит, так и валит. Добрый молодец спросил коня, сел верхом, объехал свою армию, поздоровался и скомандовал поход. Барабаны бьют, трубы трубят, войско с пальбою идёт. Увидала царица из своих теремов, страшно перепугалась и посылает своих бояр и генералов просить мира. Добрый молодец велел схватить этих посланных; наказал их грозно и больно и отослал назад: «Пускай-де сама царица приедет да попросит замирения». Нечего делать, приехала к нему царица; вышла из кареты, подходит к доброму молодцу, узнала его и обомлела, а он взял кнут-самобой, ударил её по спине.

— Была, — говорит, — девица, будь теперь кобылица!

В ту ж минуту обратилась царица кобылицею; он накинуд ей узду, оседлал, сел верхом и поскакал в королевство своего старшего брата. Скачет во всю прыть, шпорами в бока садит да тремя железными прутьями погоняет, а за ним идёт войско — сила несметная.

Долго ли, коротко ли — вот и граница; остановился добрый молодец, собрал своё войско в бочонок и поехал в столичный город. Едет мимо королевского дворца, увидал его сам король, засмотрелся на кобылицу: «Что за витязь едет! Этаким славным кобылицы в жизнь свою не видывал!» Посылает своих генералов торговать того коня.

— Ишь, — говорит молодец, — какой король у вас зоркий! Этак по вашему городу нельзя и с женой молодой погулять; коли на кобылу позарился, так жену и подавно отымет!

Входит во дворец:

— Здорово, братец!

— Ах, а я тебя не узнал!

Пошло обниманье-целованье.

— Это что у тебя за бочонок?

— Для питья, братец, держу; без воды в дороге нельзя.

— А ковёр?

— Садись, так узнаешь!

Сели они на ковёр-самолёт, младший брат тряхнул за один конец, и полетели выше леса стоячего, ниже облака ходячего — прямо в своё отечество.

Прилетели и наняли квартиру у родного отца; живут, а кто таковы — отцу с матерью не сказываются. Вот вздумали они задать пир на весь крещёный мир, собрали народу тьму-тьмущую, трое суток кормили-поили всех безданно, беспошлинно, а после стали спрашивать: не знает ли кто какой дивной истории? Коли знает, пусть рассказывает. Никто не вызвался: «Мы-де люди не бывалые!»

— Ну так я расскажу, — говорит младший брат, — только чур не перебивать! Кто три раза перебьёт меня, того без пощады казнить.

Все согласились; вот он и начал рассказывать, как жил старик со старухой, как была у них курочка да несла самоцветные камушки, как связалась старуха с приказчиком...

— Что ты врешь! — перебила хозяйка; а сын продолжает дальше.

Стал рассказывать, как курочку зарезали; мать опять его перебила. Дошло дело до того, как старуха хотела детей извести; тут она снова не вытерпела.

— Неправда! — говорит. — Может ли это случиться, чтобы мать да на своих родных детей восстала?

— Видно, может! Узнай-ка нас, матушка; ведь мы твои дети...

Тут всё открылось.

Отец приказал изрубить старуху на мелкие части; приказчика привязал к лошадиным хвостам: лошади бросились в разные стороны и разнесли его косточки по чисту полю.

— Собаке собачья и смерть! — сказал старик, роздал всё своё имение нищим и поехал жить к старшему сыну в его королевство.

А младший сын ударил свою кобылицу наотмашь кнутом-самобоем: «Была кобылица, будь теперь девица!» Кобылица обратилась прекрасною царевною; тут они помирились, поладили и повенчались. Свадьба была знатная, и я там был, мёд пил, по бороде текло, да в рот не попало.